

Олег Шабуня

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Проза в жизни

Рассказы и очерки

Олег Шабуня
Проза в жизни

«Автор»

2020

Шабуня О. А.

Проза в жизни / О. А. Шабуня — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06988-6

Первая часть книги - цикл рассказов на военно-морскую тематику. "Лирический" герой - матрос срочной службы. Время действия - восьмидесятые годы прошлого века. Место действия - Заполярье и Южная Африка. Вторая часть - серия путевых очерков. Центральный персонаж - видеооператор (по большей части - подводный). География - Северный Кавказ, предгорья Тянь-Шаня, Кольский полуостров, Латинская Америка. Преднамеренным симбиозом беллетристики с публицистикой автор постарался подтвердить хрестоматийный постулат Антуана де Сент-Экзюпери: "В действительности всё совершенно иначе, чем на самом деле". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06988-6

© Шабуня О. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Автобиография она же предисловие	6
Сказки народов Севера	7
Остров	11
Чёрная жара	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Шабуня

Проза в жизни

«...Проза жизни... Прекрасней прозы

Я не читывал никогда!..»

Геннадий Григорьев

Автобиография она же предисловие

Родился в городе Туапсе в 1966 году. Детство, отрочество и пр., прошли в городе Североморске. По окончании средней школы в 1983 году поступил на физико-математический факультет Карельского Государственного пединститута, откуда по прошествии полугода был отчислен. В 1984 году поступил в Мурманский филиал Ленинградского инженерно-строительного института на факультет «канализации и вентиляции», ну или чего-то там в этом роде. В этом же году был призван матросом на Северный флот. В 1992 году окончил факультет журналистики ВГУ.

В разное время работал почтальоном, электромехаником средств почтовой механизации, пулеметчиком, радиотелефонистом, сторожем, старшим инспектором по особым поручениям (за несомненные успехи на оном поприще, неоднократно поощрялся незначительными денежными премиями, двумя-тремя жуткого вида вазами, медалью «За отвагу» и радиоприемником «Альпинист»).

В настоящее время нахожусь на пенсии по выслуге лет. В свободное от праздности время безвозмездно чиню и устанавливаю сантехнику друзьям и знакомым или снимаю для различных телекомпаний документальные видеофильмы (преимущественно под водой).

Сказки народов Севера

Г. Х. Андерсену посвящается

Только собрались с Бекем отобедать, тут же прибежал оперативный дежурный. Стал таращить глаза и часто дышать. А все потому, что начальник штаба не может выйти с нами на связь. Какой кошмар! Мы потому-то и заблокировали все каналы, чтобы ни одна сука не могла в обед до нас дозвониться. С досады шмякнув уже размоченной в чае галетой о коммутатор, Саня соединился с начштаба. Переговорив, он задумчиво посмотрел на жестянку с рыбными консервами, россыпь галет и две пол-литровые банки с чаем.

Бек сочувственно вздохнул и аккуратнo отложил уже надкушенную галету.

– Вызывает?

– Ешь без меня.

Решив, что посокрушался вполне достаточно, Тоджедин снова взялся за галету.

– Почему не на камбузе? – начштаба Лазарев был свиреп, немногословен и лыс. Текстурой своей проплешины он более всего рифмовался с полированной столешницей непомерного начальственного стола.

– Спасибо, я сыт, товарищ капитан 2-го ранга.

– Та-а-ак. Понятно...

Саня понял, что переборщил.

– Я на коммутаторе, вахтенный...

– Я уже понял, что сегодня именно гвардии матрос Алексеев на вахте! Хрен куда дозволишься! Ладно... Ты, говорят, что-то там пишешь...

– Никак нет, товарищ капитан 2-го ранга. Все врут.

– Ты, это, не придуривайся. Мне особист докладывал...

Кап-два поморщился, явно тяготясь разговором.

– Понимаешь, у меня сын маленький. Так вот... Он любит, чтобы ему перед сном сказки читали. Заехал в книжный, накупил разных там книжек, а ему не нравится... Плачет. Напиши какую-нибудь сказку... Мне бы недельку перетоптаться, а там жена от матери приедет... Ну, что, напишешь?

– Напишу.

– Сегодня суббота, в казарму можешь не ходить, я скажу дежурному. До понедельника кабинет в твоём распоряжении. Чай, сигареты, консервы в шкафу.

– Понял. В роту могу не ходить...

Крайний раз Саня ходил в роту месяца три назад. Забежал на минуту согреть ноги.

Все это время он ночевал в штабе, в этом самом кабинете, на этом самом столе, укрываясь шторой.

Когда Лазарев ушел, Саня обстоятельно выпотрошил все кабинетные «закрома».

Данные манипуляции производились с завидным постоянством, но на сей раз куда как обстоятельней и бесцеремонней. Через полчаса в высокий начальственный кабинет понабилося всякой штабной шушеры, начиная с еще «со вчера» обкуренного чертежника Алима и заканчивая золотушным мичманом из минно-торпедного отдела. Еще через полчаса они доели все консервы, «расстреляли» большую часть сигарет и допили принесенный с собой спирт и огуречный лосьон. С утра, когда вся шушера расплзлась по штабу, а мичман ушел опохмеляться на свою плавказарму, Саня засел за писанину.

«– Привал, отцы! – зычно рявкнул кривоногий, приземистый крепыш, облаченный в бесформенный балахон, заляпанный бурыми маскировочными разводами. Чуть помедлив, добавил, блаженно ощерясь:

– Никотину откушаем...

Народец (чуть менее приземистый и кривоногий), коим он заправлял, упрашивать себя не заставил и резво попал у подножия огромного дуба. Плотный клуб едкого сигаретного дыма юркнул в густую крону. В листве кто-то навзрыд закашлял. Несколько автоматных очередей практически в унисон пропороли предрассветную тишину. Кашлять перестали. Через пару секунд что-то увесистое зашуршало в листве. Еще через пару секунд из кроны вывалился жирный взъерошенный кот и грузно бухнулся оземь. Стрельба возобновилась. Кот озабоченно озирался и потешно прядал ушами, когда трассирующие пули попадали ему в голову... Стрелять перестали. Котофей упруго зевнул, незлобиво, но грязно ругнулся, и полез на дерево, ствол которого опоясывала толстенная якорная цепь самоварного золота, делавшая его похожим на пожилого каторжанина. Достигнув цепи, кот принялся снова по ней изящной кошачьей иноходью. Кривоногие человечки обескуражено пялились на свои зловещего вида «волыны». Не найдя какого-либо изъяна, вопрошающе воззрились на старшего, во лбу которого сияла Большая Кокарда. Увы, от старшего, оторопело взиравшего на происходящее, веяло безнадежностью. Неспешно расхаживающий по цепи котяра игриво поворотил неестественно большую голову и прицельно плюнул в Большую Кокарду. Глумление над святыней повергло всю военизированную компашку в состояние глубочайшего ступора. Первым (согласно боевому расписанию) очухался командир, и в направлении кота-иноходца зашепила саперная лопата. Разминувшись с котофеем, лопата на треть ушла в древесную плоть. Кот, потёршись загривком о черенок лопаты, на скверном английском озвучил несколько напутственных идиоматических выражений непечатного толка.

– Бегом! Марш! – Уже на краю поляны командос с Большой Кокардой притормозил и, развернувшись всем корпусом, припал на одно колено, чтобы воспользоваться услугами подствольного гранатомета. За мгновение до выстрела кот двумя лапами выдернул из дерева саперную лопатку и ловко парировал «подачу». Граната разорвалась в десятке метров от колена преклоненного милитариста, слегка контузив, но, впрочем, не причинив тому существенного урона.

«В-о-о-здох!» – заходивший на боевой разворот летательный аппарат неприятно поражал целым рядом конструктивных особенностей, точнее нелепостей: стреловидность крыльев ежесекундно изменялась, а носовая часть фюзеляжа состояла из трех устрашающего вида элементов, увенчанных обтекаемыми змеиными головками.

Входивший в состав группы оператор переносного зенитного ракетного комплекса выказал недюжинную сноровку и расторопность. Еще до выхода на линию атаки аппаратик был облучен лазерным дальномером, «сосчитан» и после того, как манкировал запросом «свой-чужой», навстречу ему ушла зенитная ракета. Просканировав «борт», ракетная головка самонаведения из всего диапазона излучений (электромагнитного, акустического и прочего) обнаружила лишь инфракрасный. После чего резво юркнула туда, где, по ее электрическому разумению, располагалась дюза реактивного двигателя – под хвост рептилии. Горыныч рухнул где-то неподалеку. Воодушевленные лихой победой вояки поспешили к месту предполагаемого падения. Сбитый «аппарат» лежал ничком, трогательно сложив дурацкие перепончатые крылья. Кто-то из вояк на бегу лупанул ему в борт длинной очередью. Пули отрикошетили, собрались дружной стайкой и повтыкались в пенек, за которым укрылся лихой зенитчик. Замутненный термобарическим расстройством желудочно-кишечного тракта взор рептилии как-то вдруг прояснился. Причем, всех трех пар глаз одновременно. «Центровая» из головшек ушла вверх и, чуть покачиваясь на трехметровом стебле шеи, стала раздавать ценные целеуказания:

– Вправо дистанция – тридцать, влево – тридцать пять, поправкой на ветер можно пренебречь... Цель групповая, легкобронированная, условно съедобная... Работаем на прямую наводку.

Две другие головушки, вытянувшись в струну, недобро прищурились и в унисон доложились, что цели захвачены, кулинарные предпочтения определены, время термической обработки задано. Однако последовавший вслед за этим дулет оказался значительно ниже расчетной огневой мощи Горыныча. Следствием попадания зенитной ракеты в «корму» дракона явилась своего рода «диарея», обусловившая то, что изрядная часть мощностей ушла «в дюзу». Тем не менее, оставшегося с лихвой хватило на полную эпиляцию волосяных покровов атакующих, равно как и на то, чтобы из полопавшихся авизентовых бронников, нафиг повысыпались все бронепластины.

Изрядно обезвоженные и отчасти деморализованные бойцы уже налегке ломанули сквозь прореженный залпом подлесок к оставленному у береговой кромки десантному «Зодиаку». До берега оставалось всего ничего, когда в полутора десятках метров от линии прибоя из-под воды показалась голова боевого пловца, за ним – второго, третьего ... Глубина в том месте достигала порядка шести, шести с половиной метров (в момент высадки дно «били» установленным на «Зодиаке» гидролокатором на предмет обнаружения противодесантных мин). Оно, может бы, и ничего – ну подвсплыли «котики» на компенсаторах плавучести... Вот только их головы в диаметре раза, эдак, в три превосходили средние антропометрические размеры. Надежды на то, что оный подводный спецназ укомплектован исключительно гидроцефалами, были крайне невелики. Командир остановился напротив бредущей по пояс в воде колонны облаченных в нестерпимо бликующие на солнце брони исполинов. Из-под приставленной к заплеванной котом кокарде ладони тщетно попытался рассмотреть элементы их боевой экипировки и вооружения. «Зодиак» со снятой накануне из-за перегруза противопулевой защитой в качестве фортификационного укрытия явно не «катил». Бойцы взяли командира в тугое полукольцо, причем двое самых фактурных попытались прикрыть его своими тушками. Командир рывком протиснулся меж бойцов, оказавшись на метр впереди всей шеренги. Не спеша перестегнул полупустой магазин, облизал запекшиеся губы и хрипло скомандовал:

– К бою!..».

– Ну, что написал? – внезапно разбуженный Саня тупо соображал, где капитан 2-го ранга Лазарев пробабахал свой зеленый берет с заплеванной кокардой и почему на нем обычная «фура» с военно-морским «крабом».

– Гвардии матрос, повторяю вопрос... – кап-два поморщился, явно тяготясь невольной рифмой.

– Так точно, товарищ капитан 2-го ранга! Написал.

– Давай. Ну и свинюшник ты тут устроил! Богема хренова...

Лазарев печально осмотрел оскверненные интерьеры. Саня, в свою очередь, не без удовольствия зыркнул на усыпанную галетными крошками столешницу, заляпанный томатным соусом кремовый телефонный аппарат для связи со штабом флота и курган из окурков, под которым едва угадывалась пепельница из располовиненной гильзы от зенитного снаряда.

– Сейчас все уберу, това...

– Да ладно... Спасибо тебе!

Саня раскрошил две оставшиеся галеты и ссыпал крошево в консервную банку, чтобы собрать размазанный по боковым стенкам томатный соус. Отскочившая на лицевой панели коммутатора шторка противно задребезжала. Саня вздохнул, отставил в сторону жестянку и, не глядя, ткнул «соску» в гнездо, под которым кривоватыми буквами значилось: «Оперативный дежурный».

– «Пролив» на связи.

– Гвардии матрос Алексеев, срочно к начальнику штаба!

– А кто на коммутаторе?..

– Хрен с ним, с коммутатором! Пулей! Понял?

– Понял. Пулей. Только, согласно боевому расписанию, товарищ капитан-лейтенант...

Саня не оставлял призрачную надежду без суеты доест консервы и во благодати выкурить послеобеденную папиросу.

– Сейч-ч-ас мичмана пришшшлю!

В преддверии истерики оперативный дежурный начинал заикаться и пришепетывать. Саня выдернул «соску», задумчиво подержал на весу и медленно разжал пальцы, – штекер с шелестом втянулся в свою паскудную «норку».

– Товарищ капитан 2-го ранга, гвардии...

– Вольно.

Начштаба поморщился и чуть застенчиво потыкал пальцем в сияющую плешь.

– Ты чего, это ... Сказку не закончил?

– Никак нет, товарищ капитан 2-го ранга! Закончил! Это так называемая открытая композиция. Читатель домысливает финал в полном соответствии со своими, морально-этическими, нравственными и тому подобными приоритетами...

– Ты мозги не е...и! Сын спрашивает, что дальше, а я глазами хлопаю.

– Дальше, говорите... Ну, например... Бравые импортные морпехи покروшили три десятка витязей прекрасных, в их жестяных кирасах, пулями с термоупроченными сердечниками... А дядьке Черномору, так и вообще, башку из подствольника напрочь отфигачили... Да и укатили в «Зодиаке» восвояси... На гидрографическое «корытце», которое болталось неподалеку в нейтральных водах...

– Не покатит... Плакать будет.

– Тогда другой вариант! Никто никого стрелять, тыкать пиками, рубить палашами не стал.

– Как так?

– Да вот так! Покурили, потрындели. Сменяли пару беретов на шлемаки, а жженный броник на мятую кирасу. Да и разбежались. «Зодиак» помогли до воды допереть, на глубину вытолкнуть. А еще лучше: у них движок подвесной «крякнул», – так дядька Черномор их до гидрографа вплавь дотолкал!

– Думаешь, так можно?

– Товарищ капитан 2-го ранга, вообще-то я думаю, что только так и можно! И нужно.

Но это уже другая сказка...

Остров

Посвящается Р. Крузо

Нас с Майклом «отгрузили» на «точку». Это крохотный островок на выходе из Кольского залива в Баренцево море. Пока корабельный Ка-27 вывешивался над местом нашего, так сказать, «десантирования», выбирая, где посуше (в итоге свалили, как два мешка с дерьмом, в самую зловонную лужу), осматриваем по-своему живописные ландшафты. Остров невелик: полтора-два километра в длину, один – в ширину, но загажен так, что даже Майкл (редкостный свинтус и неряха) несколько обескуражен. Северная оконечность сплошь завалена ржавыми бочками из-под горючки, как, впрочем, и все прочие оконечности. Относительно чисто в центре. Здесь находится поваленный на бок жилой модуль и непомерная куча унылых зеленых ящичков. Куча и есть тот самый объект, который нам следует бдительно стеречь. Кое-где по периметру валяются трухлявые столбы да ржавеют не размотанные бухты колючей проволоки.

Обустройстваем, так сказать, уют. Интерьеры таковы: умывальник и стол прикручены к стене, входная дверь – на потолке. Спим в двух встроенных в стену (в нашем случае – в пол) шкафах. Дверцы отломали до нас, нам оставалось набросать в них всякого тряпья – весьма уютно. Любопытно, почему модуль на боку? Вряд ли это сделал кто-то из наших предшественников, поскольку для этого потребуется не менее десяти человек, а в караул сюда заряжают не больше двух. Скорее всего, гребаные авиаторы: приперли, свалили на бок и улетели. Канальи...

Осматриваем достопримечательности. Нашли ножны от штык-ножа и половинку книжки (занимательная физика Перельмана).

Перед вылетом нам дали сухпай на неделю, через неделю обещали сменить. Неделя прошла. Осталась бутылка водки и полбанки тушенки. Съели тушенку, запили водкой.

У нас по автомату в боекомплекте. Итого 180 патронов. Когда прыгали из «вертушки», я зацепил автоматным «рогом» за порог. Магазины больше не пристегиваются. А у Майкла отломан предохранитель. В принципе, стрелять можно, но только очередями. Решили охотиться на бакланов. После того, как Майкл влупил очередь, нашли лапку, нижнюю часть клюва и пригоршню потрохов вперемежку с перьями. Поиздержались изрядно – треть рожка. Что мы жрать будем, не знаю...

Во время отлива насобирали мидий. Свалили их в котелок. На поверхность всплыло радужное пятно мазута. Я хотел его снять, но Майкл отсоветовал. И действительно, с мазутом закипает гораздо быстрее. Откушали с Майклом «устерсов». Поблевали, конечно, по разу. К вечеру пристрастились.

Майкл за каким-то хреном полез в стол (привинченный к стене) и нашел там полпачки «Беломора». Замечательно. Выкурили крайнюю «беломорину». Жрать хочется до тошноты. Пошел пособирать грибов. Хотя какие тут, на фиг, грибы, если земля на полметра пропитана соляжкой.

Намедни мимо нас прочапал какой-то облезлый то ли буксир, то ли рейдовый водолазный бот. Орали до хрипоты. Но ни на палубе, ни в ходовой рубке не было ни

одной суки! Судоводители хреновы! Майкл хотел было стрельнуть, но я отговорил – патронов всего ничего осталось.

Почитай, неделю жрем одних «устерсов» и бакланы ошметки!

По прошествии примерно полутора-двух месяцев Майкл разбудил меня среди белого дня и стал верещать, что мы-де придурки – до сих пор не полюбопытствовали, что в ящиках, которые мы как бы охраняем. Пока мы лопатами курочили два крайних ящика, наше воображение рисовало, надо полагать, синхронную картинку – перемазанные солидолом банки армейской тушенки. Хренушки. Гранатометы и «выстрелы» к ним. «В сердцах» зарядил один и засадил

из него в грудь какого-то хлама. Полегчало – вроде, как отобедал. Майкл тоже стрельнул. Два раза – он и жрет в два раза больше. Решили провести генеральную уборку- постреляли по бочкам. Вроде стало почище.

Майкл оказался страстным поклонником неспортивной рыбалки. С ночи, взяв «снасти» (гранатомет и несколько «выстрелов»), пошел порыбачить «на утренней зорьке». Хотя какой хрен «зорьке», когда сейчас полярный день... «Устерсов» братъ не стал, дескать, на рыбалку морепродукты нельзя. Где-то я читал, что у северных рыб особым образом устроены пузыри плавучести – оглушенные они не всплывают, а Майкл уже полдня бабахает по периметру острова. Несколько раз приходил за «выстрелами». Сходил, сказал ему про пузыри. Обиделся. Выбросил в воду гранатомет и сказал, что с такой свиньей не то, что спать в соседнем шкафу, а даже испражняться под одной скалой не желает.

На следующий день я весьма деликатно попенял Майклу на то, что у него под носом чуть ли не промысловый сейнер валяется, а он выдрючивается. Подведя незадачливого рыбачка к груде ящиков, ткнул рожей в маскировочную сетку. Полдня провозились с сеткой. Какой-то осёл не поленился растянуть ее поверх ящиков и вбить по периметру паскудные деревянные колышки. После чего поверх всего этого великолепия свалили точно такую же кучу ящиков.

Еще утром, когда мы (хотел написать с Майклом, но за каким ... это писать, когда кроме Майкла и «устерсов», тут в радиусе 50 километров – ни одной живой души). Были ещё бакланы, но кончились. Так вот, еще утром, когда мы ходили искать место, где поставить сетку, видели в море какую-то бочку. Особого внимания не обратили, ну бочка и бочка, их тут хренова туча. Но сейчас, когда ее приливом подогнало, похоже на смывтый за борт спасательный плот. До него метров 100. Сейчас краешек июля. Баренцево море. Температура воды градусов девять. Примерно через час начнется отлив. Майкл, шельма, плавает как кирпич. Сам видел – когда нас в первый раз загнали в бассейн. Думаю, следует пояснить на предмет бассейна, а то какой-нибудь 18-летний идиот подумает, что матросов срочной службы регулярно отражают на теннисные корты или в Сандуновские бани. В инфраструктуру бригады, в которой мы обретались, среди прочего входило весьма громоздкое подсобное хозяйство. А посему многие из матросов, помимо основной (снайпер, сапер, боевой пловец), имели как минимум, ещё одну чуть менее романтическую специальность (свинарь, прачка, баталер). За пару месяцев до командировки на остров, мы опять-таки с Майклом в компании еще одного из наших сослуживцев, именовавшегося Беком, исполняли свой ратный долг на свинюшнике, сиречь на бригадной свиноферме. Запашок еще тот, хотя в казарменном кубрике не лучше, но в целом весьма и весьма недурно. Но однажды Майкл, злоупотребив нещадно разбавленным спиртом, забыл закрыть загон. Свиньи отчасти и разбежались. В принципе, ничего страшного в этом не было –и раньше бегали. Поскольку в тундре, кроме ягеля, грибов и ягод жрать особо нечего, они через недельку прибежали обратно. Очень даже головастые животные, мозгов побольше, чем у инога мичмана. Так вот, свиньи разбрелись, а назавтра была проверка. Поначалу нас хотели на губу, но там был «аншлаг». В финале в назидание нас сунули в отряд противодиверсионных сил и средств. Ну и вот, загнали нас в бассейн, на тренировку. Каждому дали по кирпичу, доверительно поведав, что это, как бы, магнитная мина которую следует установить в противоположном от нас конце бассейна. Дистанция 25 метров, пройти ее нужно всенепременно под водой в паре –один толкает другой дышит, потом наоборот. Это в робе, в сапогах и с силикатным кирпичом в придачу. Майкл с Беком хотели было соскочить, но я отговорил, – почитай, месяц не мылись, и раз есть такая возможность, надо хоть окунуться. Бек запричитал, что из водоемов, в которые он погружался, самым глубоким был арык за домом, где вода во время паводка была чуть выше голени. Ему посочувствовали и разрешили снять один сапог. В общем, когда этих двух красавцев пинками загнали в бассейн, был еще тот водноспортивный праздник!..

Сам плот на фиг не нужен, но, может, там сухпай какой есть. Майкл разжег костер и вымазал меня остатками комбижира. Не зря сплавал. Внутри насобирали полведра макарон и полную пригоршню окурков.

Приболел. Холод собачий. Когда начинается жар, кутаюсь в него, как в одеяло.

Майкл вторые сутки надувает плот. По идее, там должен быть баллон со сжатым воздухом, но Майкл его не нашел, поэтому надувает ртом. Плот ему крайне необходим, чтобы поставить сетку. Пришёл под утро, приволок здоровенную пикшу. Славно!

Мы с собой приперли ранцевую радиостанцию. Она бьет километров на 6-8. Лучше бы полмешка картошки взяли. Тем не менее, сегодня отловили шепелявого синоптика, передавшего штормовое предупреждение. Стало быть, на рыбалку не идем. Сняли сетку, сдули плот и забросали все ящиками.

Ночью порывами ветра распахивало дверь, я несколько раз вставал ее закрывать (Майкл дрых, как хомяк – все пофиг), потом плюнул. Под утро дверь оторвалась и улетела.

Ориентировочно полдень. Штормит. Вылез наружу (люблю, знаете ли, ветреную погоду), в километре от нас увидел давешний буксир. Разбудил Майкла, он хоть и скверный свинарь, зато хороший радист. Ай да Майкл, ухитрился-таки выйти на связь с этой галошей. Минут десять они попеременно хамили друг другу. Довольно забавная штука – посылаешь собеседника куда подальше, переключаешься на прием и ждешь «алаверды». Никто не перебивает, у каждого свой черед. Нечто подобное было в традициях древнерусских кулачных боев. Бойцы не просто мутузили друг друга, а поочередно обменивались ударами.

У меня пропали очки. Дело в том, что уже год, ложась спать, я их не снимаю (на них либо сядут или наступят, либо отломают дужку, чтобы помешать цифирь). Проснулись, примерно, в обед, а спохватился я лишь ближе к вечеру. Дело в том, что давеча мы надрались так, что просто удивительно... А с «бодуна» какие там очки... Штаны или сапоги еще куда ни шло... А очки (-3,5)... Но обо всем (или почти обо всем) по порядку. Так вот...

Мужчины на буксире вчера каким-то образом не только подошли к нам, но и зачалились. Первое, что они спросили, будем ли мы пить? Майкл потупился и стал мямлить, что после всех причальных хлопот и треволнений он не сможет смотреть им в глаза, не выпив. Можно подумать, подойди они в полный штиль, он бы смог смотреть в чьи-то глаза, не выпив на халяву. У них оказалась 3-литровая банка спирта и треть 40-литрового бидона браги. Пожалуй, это единственное, что я запомнил наверняка. Все прочие подробности минувшего дня причудливо преломились сквозь призму этой самой банки. Ребят было пятеро. Ходили они в Гремиху испытывать какие-то навороченные электронные навигационные потроха. Потроха ставили финны. Зачем – непонятно. На их

лохань не электронную навигацию, а ключины впору ставить. Чухонцы выставили кока со всем его скарбом и набили камбуз электроникой. После этого прискакал особист, все, что мог, опечатал и попросил ничего не трогать. Поскольку ребята были нормальные штатские люди – его послали. Особист пробовал возражать, но этим только усугубил. Побежал настучал по начальству. Прибывшее начальство критически осмотрело пластилиновые печати, вскользь упомянуло о 13-й зарплате и посоветовало особисту всерьез подумать о том, чтобы заварить переборку. Перед выходом финны еще раз приперлись на борт. Среди прочего, они были крайне удивлены численностью экипажа, который состоял из четырех моряков и инженера Володи. По их мнению, хватило бы и одного Володи. Уже в рейсе выяснилось, что они ошиблись. Володя тоже был на фиг не нужен. Навигационная система прекрасно обходилась без чьего-либо участия. Членам экипажа впору было посокрушаться о своей будущности, после того, как их всех спишут на берег. Однако экипаж был абсолютно невозмутим. Буксир был старенький, поэтому изрядно подтекал. Электрическая помпа не столько откачивала, сколько кипятила воду. Пользовались, по преимуществу, ручной. А для того, чтобы с ней управляться, требовалось никак не меньше четырех человек. Стоила навигация раз эдак в 1000 дороже

самой посуды, а посему вряд ли ушлые начальнички из парходства стали бы рисковать, сокращая численность экипажа.

Рейс выдался упоительным (в прямом и переносном смыслах). В памяти навигационных мозгов было все – вплоть до самого распоследнего бакена на фарватере. Программировали сами финны, используя свежайшие натовские разведанные. Навигатор, в соответствии с маршрутом, выдавал команды винто-рулевой группе и разве что не чистил гальюн и картошку. По этой причине экипаж во время рейса пребывал в блаженной праздности. Когда они первый раз проходили мимо острова, в ходовой рубке никого не было по той простой причине, что не хрен там было делать. Когда шли обратно, штормило, в рубке опять-таки никого не было – все пьянствовали в кубрике. Благо, что на траверзе острова укачало радиста и он, метнув провиантом за борт, для чего-то зашел в рубку, где и услышал Майкловы радиовопли.

Перед уходом ребята оставили нам груды консервов, посылочный ящик папирос и полведра браги. Естественно, что нам захотелось сделать «алаверды» и подарить им, что-нибудь самое дорогое для нас. Из самого дорогого у нас были плот и сетка. Решили подарить плот. Но ребята стали отнекиваться, мотивируя это тем, что у них уже есть один плот. Я сказал Майклу, дескать, действительно, зачем им два плота. Их пятеро, плоты десятиместные где они возьмут еще 15 человек... Да и был бы он новый, а он мало того что не новый, так какой-то поганец в нем еще и нагадил. Последняя подробность почему-то очень взволновала Володю. Он полюбопытствовал у капитана Саши, где на их «корытце» расположен ПСН-10 (плот спасательный надувной, десятиместный)? Естественно, на корме, отвечал Саша. Володя предложил сходить посмотреть. Сходили. Посмотрели. Плота не было. Володя весьма развеселился. За пару дней до отхода он с чухонцами заканчивал наладку аппаратуры. Штормило. После обеда ветер усилился. Финны аккуратно сложили инструменты, техническую документацию и пошли по бабам. Звали Володю, но тот жеманно отказался. Не потому что ему не хотелось бабы, тем более на халяву, но еще больше хотелось в гальюн. Воспользоваться корабельным заведением не представлялось возможным по причине изрядной качки. Сойти на пирс и справить свои надобности тут же у трапа Володя не мог – не позволяло высшее образование. Бежать в контору? Буксир стоял в самом конце пирса, стало быть, не вариант. Не без труда выбравшись из трюма, он вполуприсяди дошел до кормы и тоскливо огляделся. И тут он увидел гостеприимно продуваемый шквалистым ветерком полог надутого спасательного плота. До него было, что называется, «рукой подать», тем более, что в руке уже были зажаты несколько листов, предусмотрительно выданных из вахтенного журнала...

Рассказ произвел должное впечатление. Действительно, накануне рейса проверялись спасательные средства. Прежде, чем надуть плот, моторист Коля бросил внутрь валявшиеся неподалеку аккумулятор и полтора-два десятка силикатных кирпичей. Вот только перед самым отходом Николай все это оттуда выкинул. Как он при этом исхитрился не влезть в Володино дерьмо – страшная тайна... В общем, плот их весьма и весьма порадовал, поскольку если бы не мы (и, в частности, не мой самоотверженный заплыв) его балансовую стоимость вычли бы из их зарплаты. Взамен нам оставили гидрокомбинезон и ласты.

По приходу в Мурманск ребята предлагали позвонить в нашу часть на предмет смены, но мы в весьма категоричной форме попросили их это сделать не раньше первых чисел октября – в аккурат канун дембеля. Слово свое судоводители сдержали – в начале октября тот же корабельный «баклан» завис над той же зловонной лужей, из бортового проема выпал трос с подвеской, и через десять минут мы были на борту. Напялив телефонную гарнитуру я услышал доброжелательное: «Что, матросики, проголодались?»

Чёрная жара

Михаилу Сырову

Полдень. Ангола. Чуть меньше километра до границы с Намибией. На опушке джунглей стоят накрытые свежей маскировочной сеткой БТР, две машины специальной связи и дребезжащий дизель-генератор.

В наглухо задраенном фургоне одной из них, на корточках, словно у камелька, перед вделанным почему-то вровень с полом скверным советским кондиционером сидят Саня с Майклом.

– Слушай, а почему африканские страны называются банановыми, – задумчиво спросил Майкл, носком сапога давя влажный окурок.

– Республики, – машинально поправил его Саня.

– Да какая, на фиг разница, – с готовностью «завелся» Майкл, – Мы тут с тобой почти месяц, а кроме тушенки ничего не жрем.

– Ну, и что ты от меня хочешь?

– Дай закурить...

А мичман-то где? – вынырнув из полудремы, спросил Саня. |

Так он же в больничке, в Луанде. Его вчера какая-то вошь укусила. Вся рожа в коросте, – совсем одуревший от жары Майкл с трудом ворочал и без того обожженным одеколоном языком.

– Так какого же ты... – укоризненно вскинул на него слезящиеся глаза Саня.

– Да, что-то я торможу – промямлил Майкл, явно обескураженный собственной бестолковостью.

– Майкл, ты вот какую-нибудь совершеннейшую мутатень, какой-нибудь идиотский дембельский альбом и тому подобный вздор почему-то никогда не забываешь. А, как доходит до чего то действительно серьезного...

Не договорив, Саня в сердцах плюнул на расположенную вровень с лицом лицевую панель серого аппаратного блока.

– Так может это... – к девчонкам?

Майкл не отвечал и лишь похотливо хлопал выцветшими белесыми ресницами.

Саня терпеливо ждал, пока Майкловы гормоны приступом возьмут редут его же лени. Вскоре оплот пал. Майкл встал на четвереньки, потянулся и остервенело помотал башкой, сгоняя дремоту.

– Пошли.

Протиснувшись к стойке с закрепленным на ней осколком засиженного какими-то африканскими дрозofiлами зеркала, Майкл принялся с увлечением исследовать одутловатую, сплошь иссеченную шрамами пролежней рожу. Нимало не обескураженный увиденным, а напротив явно удовлетворенный, опасливо зыркнув на спящего Бека, полез в дальний конец отсека. После чего из какого-то потаенного лючка на свет был извлечён увесистый полиэтиленовый пакет, заботливо перевязанный изолентой. Из него он выудил новые «прогары» и два значка: «За дальний поход» и «Отличник ВМФ». Прикрутив к робе значки, Майкл, подумал и достал еще один – «Воин-спортсмен». Саня в это время несколькими витками изоленты «валетом» скрепил два магазина и пристегнул сдвоенные «рога» к автомату. Вкручивая запалы в ручные гранаты, он с каким-то идиотским умилением наблюдал за Майкловыми приготовлениями, думая при этом: «Право слово, как дети...»

– Майкл, вы с Беком наглядная иллюстрация к расхожему военно-морскому анекдоту – «Чем матрос отличается от ребенка?»

– Ну, и чем же? – оживился тот.

– Большими гениталиями.

Вытряхнув из брезентовой сумки заскорузлый противогаз, Саня положил туда две банки тушенки, пол фляги спирта, и два флакона нестерпимо вонявшего огуречного лосьона. Сверху были уложены три гранаты – две РГД и Ф-эшка. Немного подумав, Саня сыпанул в котомку пригоршню патронов. Закончив приготовления, он подошел к спящему на полу Беку и пнул находившуюся у него в изголовье мятую алюминиевую канистру.

– Гвардии старший матрос Турсумбаев, остаетесь за старшего.

При этом Саня поморщился по причине невольной тавтологии. Бек ошалело поворачивал головой, незлобиво ругнулся и снова обронил башку на канистру. Раздавшийся при этом звук был значительно звонче, нежели от Саниного пинка. Покурив, Саня с Майклом двинулись в сторону приграничной намибийской деревни, находившейся в паре километров к юго-востоку от их месторасположения, то бишь, дислокации. До границы добрались без особых тревожных, больше опасаясь всяких паскудных насекомых, нежели «повстанцев», видовое разнообразие которых запросто могло составить конкуренцию разного рода чешуйчатокрылым.

Вскоре проторенная лесная тропа, больше похожая на просеку или скорее даже на вырубленный метростроевцами тоннель, вывела их на бережок неширокой заболоченной речки, служившей своего рода демаркационной линией между двумя банановыми державами. Уже на берегу, Саня, поскользнувшись на раздавленном им же таракане (размером с небольшой шницель), уронил в воду отстегнувшийся магазин. Впрочем, он тут же был на ощупь выужен из мутной водицы, тщательно протерт подолом робы и водворен в приличествующий ему паз. С наскоку форсировав водную преграду, приятели в одночасье оказались в недружественном государстве, с подданными которого у них, тем не менее, сложились весьма тесные и доверительные отношения. Уже будучи на другом берегу, в десяти минутах ходьбы от возжеленной деревеньки, Майкл запричитал по поводу натертой не разношенным прогаром ноги. Обнаружив пару-тройку непечатных идиоматических выражений относительно Майклова пижонства, Саня уселся на корточки, опершись подбородком на ствол АКМа, терпеливо пережидая Майкловы «ужимки и прыжки». Майкл в это время с грацией бульдозера скакал на одной ноге, руками разминая снятый башмак. Зацепившись за узловатый, толщиной в руку, лиловый побег какой-то лианы он, потеряв равновесие, грузно сел на «пятую точку». При этом до Саниных давно не мытых ушей дошел чуть слышный щелчок, как от взятой наизготовку шариковой авторучки.

– Слушай, на что это я сел? – Майкл перестал тискать башмак и внимательно посмотрел на Саню. Тот рывком поднялся и двинулся к приятелю. При этом он поймал себя на том, что делает неестественно длинные шаги, машинально стремясь к тому, чтобы их (шагов) было как можно меньше. Встав подле Майкла на колени, он выдернул из автомата шомпол и ткнул им в бугорок, расположенный в аккурат под Майкловой

– Майкл, это жопа...

– То есть?

– Знаешь анекдот, как слепой на один глаз повел двух других слепых напрочь к девушкам...

– Ну?

– По дороге он ткнулся глазом о сук, ну, и естественно, крикнул: «Во, бля, пришли!». Ну, и два других, которые слепые «наглушняк», тут же заверещали: «Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, девочки!»

– Ну и чё?

– Да ничего, сходили к девочкам... Твою мать! Майкл, ты не ерзай только, ладно? Сиди спокойно. И за задницу руками не хватайся. Помнишь, кубинцы к нам на прошлой неделе забредали?

- А, ну да. Рауль-пулеметчик и с ним два кренделя.
- Это саперы, скорее всего, это они тут всей этой фигни и понаставили.
- Так, а чего не сказали?
- Ревнуют, стало быть, – невесело усмехнулся Саня.
- ПМН?

– Это вряд ли, она нажимная. Сработает сразу. Тебе бы уже сейчас после галюна подтирать нечего было... Подожди, мы когда у них на базе «гудели», мне их завхоз, Мигель, какую-то импортную фигню показывал. Тоже противопехотная, нажимная, но срабатывает не сразу.

– То есть?

– Клиент наступил – она ставится на боевой взвод, сошел – она срабатывает, подпрыгивает и «плюет» веером горсть металлических шариков. Кстати, в аккурат на уровне задницы.

– А как снимать ее, он тебе грешным делом не показывал?

– Да нет... Ладно, ты это, посиди, покури, тушенки, что ли поешь... Хотя нет, лучше не ешь... Я пока схожу, полюбопытствую, как эта хрень выключается.

– Лучше захвати кого-нибудь.

– Попробую.

Отойдя на несколько шагов, Саня вернулся, стараясь по возможности ступать примерно туда же. Размотав изоленту, он снял второй магазин, вынул из кармана оставленную у себя РГД-шку и положил их рядом с Майклом. После чего, чуть помешкав, вздохнул и высыпал в снятый башмак все свои папиросы.

– Майкл, ты это, попробуй не засыпать. А то свалишься. Будет «полная жопа»!

Пардон за каламбур...

– Да ладно, чего уж там. Попробуй пошустрее.

– Понял...

Увы, пошустрей как-то не получилось. Придя на базу, Саня вышел на связь с кубинцами. Их радист ответил практически сразу, но был он несколько возбужден. В эфире помимо естественных помех потрескивали автоматные очереди и хлопали разрывы гранат. Коллегам было явно недосуг и Саня постеснялся лезть к ним со всякой ерундой. «Отбившись», он стал вызывать свою промежуточную базу, отстоявшую в полутора десятках километров. Те, в отличие от кубинцев ответили не сразу. А лишь по прошествии сорока минут, когда Саня уже с трудом ворочал пересохшим языком: «Беркут – Проливу, Беркут – Проливу», уже всерьез подумывая о том, что, не лучше ли пройти до базы пешком, ему таки ответили: «Хрен ли тебе, «Проливу», надо? Прием». Саня вкратце обрисовал мизансцену, не преминув при этом вернуть пару-тройку батальных деталек – «патрулировали периметр», «засада», «лежбище снайпера». Брякнув про «лежбище», он

поморщился, понимая, что явно погорячился. Тем не менее, всю его ахинею выслушали со вниманием, после чего посоветовали стонять к кубинцам, дескать, до них всего час ходу.

Саня очень вежливо поблагодарил «Беркута» за «наколку», посокрушавшись при этом, что как же ему самому, недоумку, не пришла в голову столь блистательная идея. После чего поведал о том, что кубинцы рубятся с какими-то черномазыми, и ему как-то неловко отвлекать их от этого хлопотного и неблагодарного занятия. «Беркут» еще минут на двадцать ушел со связи. Саня уже было задремал, убаюканный своими же монотонными фразами: (« «Беркут» – «Проливу»..., единичка, двойка, тройка – как работа, как работа? «Беркут» – «Проливу»), как тот «прорезался»:

– Ладно, заходи... Только это, захвати что-нибудь. Как понял, прием?

– Да уж, «что-нибудь» не премину...

«Майкл, Иван-царевич хренов, пошел жениться к девушкам, а нарвался на «лягушку», – незлобиво поругивал Саня незадачливого компаньона, отщелкивая по десятку патронов с Бековых магазинов. Напялив поверх полинявшей робы еще более линиялый «лифчик» под бое-

комплект, Саня должным образом «боеукомплектовался» - в правый и левый карманы было вставлено по рожку, в средний – тщательно укупоренная литровая бутылка спирта.

Пнув свернувшегося калачиком у надсадно зудящего кондиционера Бека, Саня привычно брякнул:

– Старший матрос Хамдамов – за старшего!

Подумав, чуть менее глумливым тоном добавил:

– Бек, я к «Беркутам», побудь на связи. Ладненько?

– А Майкл?

– Женится...

Выходя из кунга, Саня головой зацепил висевший на притолоке фонарик.

Фонарик цепляли подобным образом как раз для того, чтобы не забывать при выходе. Мимходом сдернув его с болта он выбрался наружу. Выйдя на просеку, ведущую в сторону «Беркута», машинально снял «калаш» с предохранителя, дослал патрон и пощелкал переключателем фонарика – лампочка не загоралась. Свинтив крышку, достал батарейки. Как он и ожидал, батареек было всего две, вместо третьей пакет с анашой. Саня чуть замешкался, понимая, что вряд ли обернется засветло, потом махнул на все рукой, достал «беломорину» и двинулся дальше. Километра через два он слышал позади себя шум движка. Выругавшись, полез в «зеленку». Укрывшись под развесистым хвощом, пуганул пару-тройку каких-то синюшных сколопендр, достал РГД-шку и стал ждать. Вскоре появился натужно ревуший «Урал», Саня облегченно вздохнул, убрал гранату и вышел на просеку. «Урал» притормозил, он влез в кабину, закурил и только после этого спросил: «На базу?» Чернявый водила, то ли казах, то ли еще кто, ответил не сразу, сосредоточенно ковыряясь в замке зажигания. Движок пыхнул, казах повеселел и утвердительно закивал. В кабине было невыносимо душно, и Саня полюбопытствовал, почему бы им не откатить хотя б одно окошко. На что водила лишь развел руками и поведал знойную историю о превратностях материально-технического обеспечения. Данный «Урал» являл собой вариант, специально приспособленный для условий Крайнего Севера, с системой запуска двигателя, которой были не страшны самые лютые заполярные морозы, мощным обогревом кабины и двойными стеклами, которые хрен когда опускаются. Саня растрогался и сыпанул казаху добрую жменьку бековой травы. Через какое-то время он заметил, что водила ведет, отчаянно путая педали и переключение скоростей. «Обдолбанный, что ли?» – подумал Саня. «Урал» мотало из стороны в сторону, в кузове что-то тяжело перекатывалось.

– Может это, остановимся, перекурим, а то как-то это... Едем неровно.

– Да у меня, вообще-то, права категории «А» – на мотоцикл. Я «зампотеху» говорил. А хрен ли ему, мудиле, объяснять – права есть, садись, рули. А как рулить, хрен его знает.

– Однако... А чего в кузове-то?

– «НУРСы». Оружейники, мудаки, все ящики пожгли. Черепашу у берега гранатой глушанули. Супчик из неё варили. Свалили «железо» кучей в кузов и ездай... Уроды...

Саня, выдержал для приличия паузу секунд эдак в 30, после чего попросил высадить его – дескать, «тут уже недалеко, чегой-то меня укачало, пожалуй, что прогуляюсь». Подождав, пока машина отъедет метров на триста (дальше осколки неуправляемых реактивных снарядов, как правило, не летят), Саня побрел дальше. На базу он пришел уже в сумерках. Встретили его радушно, поскольку снайпер на блоке еще издали в оптику рассмотрел торчавшее из «лифчика» горлышко бутылки. Когда Саня входил в расположение, там уже расставляли кружки и вспарывали банки с тушенкой.

Сапер «срубился» после третьей дозы, поскольку как оказалось, еще с обеда был на «взводе». Саня, разволновавшись, в предельно корректных выражениях («...вашу мать, военные, у меня же коллега на «лягухе» уж почитай сутки как растопырился...») попытался усовестить присутствующих. Те, в свою очередь, лишь разводили свободными от кружек руками.

Убедившись в низкой эффективности своих морализаторских воззваний, Саня попытался деликатно справиться у сведущих людей на предмет манипуляций по обезвреживанию такого сорта штуквин. Единственный дельный совет, который за этим последовал: взять на помойке за камбузом отстреленный на прошлой неделе от БМП-шки ролик (килограммов эдак, 25) отпереть его на себе к Майклу (километров эдак, 15), после чего попытаться сделать «рокировку»– задницы с роликом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.